

ГЕРОИ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Вел. Москва - 1901 - 5 Мая - с. 6.

Во время войны в румынском концлагере старичок-каббалист, что гадал по буквам имен, предсказал ей, что у нее будет невиданный взлет, она станет знаменитой, но... только в конце жизни. В середине 80-х уникальную исполнительницу романсов впервые узнали в СССР. Слово из рога избылила посыпались аншлаги, передачи по телевизору, бесконечные туры по стране — старый раввин оказался прав. И она, бросив насиженный Бухарест, квартиру и пенсию, переезжает в Россию. Около года она скиталась по разным углам, жила у друзей, пока не получила маленькую квартирку в одном из арбатских переулков. "Конечно, не так должны были меня встретить, — вздыхает артистка. — Ведь я многое с собой привезла: чудесные романсы, удивительные таборные песни, уже забытые здесь... Но я счастлива, что живу на Арбате, о котором столько читала и мечтала с детства!". Крохотная квартирка похожа на восточный дворец: много светильников, всюду расстелены красочные недорогие ковры — их Баянова полюбила давно, когда жила в Бейруте. Над кроватью — купленные в юности палестинские иконы, рядом — портрет отца в роли Бориса Годунова, фотография мамы в балетной пачке.

— Алла Николаевна, мы живем не в лучшие времена — инфляция, кризисы, "дикий" рынок, — не жалеете, что остались в России?

— Всегда мечтала о возвращении, но не думала, что это случится. Это счастье, когда наконец-то меня, мои песни понимают. Рада, что сломала свою жизнь

БАРЫНЯ

на закате дней. Что начала все сначала, как говорится, с деревянной ложки. Ведь я все вещи оставила в Бухаресте, в своей квартире. Потом мои друзья долго пересылали сюда любимые безделушки. Все, кто ко мне приходит, говорят: "Ах, какая у вас уютная квартира!" А, между прочим, весь этот уют был куплен за два дня до грандиозного подорожания в начале 90-х. Я в восторге от самой себя, что все до копейки вложила в свое небольшое хозяйство — хоть один раз в жизни поступила умно.

Алла Николаевна явно скромничает — она отлично управлялась и с огромными владениями мужа, Стефана Шендри, одного из богатейших помещиков Румынии. "400 гектаров пахотной земли, 500 — леса, 500 каракулевых овец, 12 швейцарских коров, десятки лошадей — рабочих и верховых, огромный 9-комнатный дом с террасой. — до сих пор с удовольствием перечисляет Баянова. — Я помню все до мелочей, до имен моих свиной и кур. Иногда думаю, что это было счастливейшее время в моей жизни".

— Как вы познакомились со столь завидным женихом?

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. В марте 41-го за исполнение русских песен меня арестовала сигуранца (румынский НКВД). Год и два месяца я провела в концлагере. Когда выпустили, обязали каждую неделю в участке отмечаться. Однажды к себе в кабинет вызывает уродливый, похожий на жабу, начальник и, сально улыбаясь, приказывает: "Я вас освободил, вы должны мне заплатить". — "Я не знаю вас, и для меня будет мукой вас любить!" — взываю к его благодородству. Он смеялся долго, словно сумасшедший: "Мне твоя любовь и не нужна. Я просто хочу тебя. Если откажешься, из лагеря уже не выйдешь". Иду из этого участка, рыдаю, ничего не вижу. Вдруг рядом скрежет тормозов: "Вам что, жить надоело, под колеса лезете!". Вот так мы и познакомились со вторым мужем, Стефаном Шендри, который был одним из влиятельнейших дворян в Румынии. У них с королем даже общее увлечение было — оба коллекционировали автомобили. Стефан спас меня — увез в свою усадьбу, подальше от сигуранцы. Потом мы полюбили друг друга, поженились, я увлеклась хозяйством — даже на сцену возвращаться не хотела.

— Война не повлияла на вашу помещичью идилию?

— Бои шли далеко. Вспоминаю, как однажды, незадолго до конца войны, мужу предложили взять "рабов", 18 русских военнопленных. Радости моей не было предела — я увижу своих! К их приезду мы готовились: натопили баню, наготовили разных вкусно-

До дверей квартиры Баяновой меня проводила страшно серьезная кошка с бурым пятном на носу. "А, проходи, Марь Иванна, нагулялась?" — улыбнулась открывшая дверь хозяйка.

— Бездомным кошкам и собакам в нашем дворе повезло. Если кого-то нужно пристроить, накормить, все знают: надо обращаться к Баяновой или Вициным. Они живут в доме напротив, — заявила мне гулявшая во дворе одинокая старушка. Умер Вицин, и одним адресом для бесприютных божьих тварей стало меньше. Нелегкое и недешевое бремя содержания мурок и шариков целиком легло на хрупкие плечи Аллы Баяновой — "райской экзотической птицы, залетевшей на огонек советской действительности", как писали о ней в 80-х в так называемой буржуазной прессе. В ее судьбе — история всей Европы: родилась в Кишиневе, детство прошло в Берлине, Каннах и Париже. С 30-х годов жила в Румынии, где ее считали то "красной" арестанткой, то богатейшей помещицей, то "подозрительной" певичкой. А 12 лет назад сбылась давняя мечта Баяновой — она получила советское гражданство и стала жить в Москве.

РУМЫНСКАЯ

ИЩЕТ СВОИХ РАБОВ

стей, выкатили бочку пуйки — ароматной румынской водки. Вечером Стефан привез пленных из города: угрюмых, грязных, голодных. Я бросилась к ним, горло перехватило: "Братцы, родные!". Они были в шоке, услышав русскую речь. Оттаяли только после баньки да крепкой чарки. За столом долго решали, как же ко мне обращаться: "Товарищ — не подходит, хозяйка — не звучит, да и не привыкли мы..." Я их перебиваю: "Зовите как все — барыня!". Они заупрямились: "Мы в жизни такого слова не произносили". Потом привыкли и как-то необыкновенно смачно меня барыней называли. Работали мы дружно, а по вечерам любили петь — и народные песни, и Дунаевского, и романсы... После войны мы отправили ребят на родину.

— Потом кого-то из этих солдат встречали?

— Нет, может, кто прочитает вашу статью, откликнется.

— Затем наступил социализм...

— ...и нас с мужем выгнали из дома, точнее, выслали. Мы пробрались в Бухарест, прятались у друзей. Стефана искала сигуранца. К этому времени многих наших знакомых — интеллигенцию, помещиков — уже арестовали и отправили на каторгу, в каменоломни или на строительство местного Беломорканала, канала Дунай — Черное море. Я снова стала петь, чтобы как-то содержать родителей и скрывающегося мужа. Помню, мама умерла в больнице, а меня так и не отпустили с работы, из бара. Через полгода не стало и папы. Арестовали Стефана, дали пять лет каторжных работ. Вернулся он через три года, но совершенно сломленным человеком — желчным, подозрительным, скандальным. Наша жизнь стала невыносимой, и однажды, после достаточно грубой сцены, я ушла. Наша обаятельная приятельница, которая все эти годы любила

ИЗ ЛичНОГО АРХИВА

Стефана, заняла мое место. Но после каторги сил у мужа не было, через год он умер.

— Не обидно, что супруг так быстро нашел вам замену?

— Стефан меня всегда любил, но это не мешало ему быть известным на всю Румынию ловеласом.

— Вы так спокойно говорите о его изменах?

— Считаю, что мужчина может изменять — такого его организация.

— А женщина?

— Нет, у нее все по-другому, и ей потом труднее "отмыться". Но если "это" произошло, мой совет — молчи, все отрицай. Это единственное, что надо скрывать, чтобы сохранить семью... Вспоминаю свою жизнь: мне было лет 25, я была замужем за Жоржем Ипсиланти, была ему верной женой. И вдруг я безумно влюбилась в одного русского предпринимателя, Сергея. Он был намного старше, имел взрослого сына, — все у них с женой было хорошо, пока не появилась я. О нашем страстном романе Сергей рассказал жене — просил отпустить, говорил, что без Аллы жить не может. Она в ответ: "Это пройдет... Я подожду". Жена не поставила ему никаких условий, и в конце концов он вернулся к ней. Вообще, считаю, расцвет женщины начинается в сорок лет. Она многое понимает, она знает, чего хочет и что может дать мужчине.

— Вы согласны с расхожей фразой о том, что браки заключаются на небесах?

— Я так и не нашла своей настоящей половинки, хотя всю жизнь ждала этой встречи. Для меня всегда примером были отношения родителей, их удивительная любовь. Как полюбил молодой, только что вернувшийся из Италии красавец-богатырь Кока Левичский (позже мама окрестила его для сцены Баяновым), так и пронес это чувство через всю жизнь. Мои родители даже венчались тайком — дедушка был против брака со "скоморохом". Семью примирило только мое рождение. Родители и работать старались вместе: папа соглашался выступать, только если для мамы находилось место в кордебалете. Они, как лебеди, не могли жить друг без друга и умерли в один год.

— А вы помните свою первую любовь?

— Лет в 14 мы выступали в Монте-Карло, в шикарном баре "Абрек" с огромной площадкой для танцев. По вечерам в нашем ресторане работали "паркетные танцоры". Существовала такая профессия —

кавалеры развлекали дам, которые могли себе позволить пригласить такого элегантного красавца для приятного времяпрепровождения.

— Вроде сегодняшних мальчиков-стриптизеров из дамских клубов?

— Ну не совсем... Тогда среди таких танцоров особенно много было русских артистов. Один из них — огромный красавец князь Андрей Оболенский — пригласил меня на танец. Мы кружились, забыв обо всем на свете, и больше уже не могли расстаться. Его полюбили мои родители и с радостью согласились, когда Андрей посватался. Правда, они попросили отложить свадьбу года на три, когда "невесте" исполнится хотя бы 17. Андрею надо было ехать по делам в Канны, и он, целуя меня, счастливо прошептал: "Моя!". А на обратной дороге, спеша ко мне по крутым горным серпантинам, разбился на машине...

— Пожаль, и сама судьба Баяновой похожа на извилистую горную дорогу. Причем на такую, где по обочинам "мертвые с косами стоят". Певица говорит, что не раз в ее жизнь вмешивались потусторонние силы. Например, как-то они с родителями и молодым мужем очень дешево сняли прелестную квартирку в центре города. Оказалось, дом под завязку набит привидениями, которые активно общались не только с членами семьи, но и с гостями (стучали, шумели — в общем, вели себя как заправские хулиганы).

— В доме второго мужа Баянова как-то ночью, услышав стук, распахнула дверь и увидела грязно-белый балахон, измазанный кровью. Костлявой рукой существо молча отодвинуло хозяйку и прошло в дом. "Я поняла, что пришла беда", — говорит певица. Действительно, месяца через два страшные напасти захлестнули семью: смертельная заболела мама, в Румынии наступила "диктатура пролетариата", поместье "раскулачили". Баянову с мужем отправили в очередную ссылку, где, страшась неизвестности, на 4-м месяце певица сделала неудачный аборт и с тех пор больше не могла иметь детей.

— Получается, привидения оповещают вас о надвигающихся бедах?

— Не всегда, вспоминаю март 1977 года — ничего не предвещало трагедии. В тот день я поехала к своим друзьям играть в карты, в канасту. Мы увлеклись игрой, и вдруг чувствую — что-то меня приподнимает. Земля заходила ходуном, как морские волны. Смотрю, 16-этажная башня напротив наклоняется. Побежала домой. В городе ужас, хаотично бьются машины, взрываются газовые трубы, и вокруг — ото-

ГЕННАДИЙ АБРАМЕНКО

Алла БАЯНОВА: "Счастлива, что сломала свою жизнь на закате дней"

кавалеры развлекали дам, которые могли себе позволить пригласить такого элегантного красавца для приятного времяпрепровождения.

— Вроде сегодняшних мальчиков-стриптизеров из дамских клубов?

— Ну не совсем... Тогда среди таких танцоров особенно много было русских артистов. Один из них — огромный красавец князь Андрей Оболенский — пригласил меня на танец. Мы кружились, забыв обо всем на свете, и больше уже не могли расстаться. Его полюбили мои родители и с радостью согласились, когда Андрей посватался. Правда, они попросили отложить свадьбу года на три, когда "невесте" исполнится хотя бы 17. Андрею надо было ехать по делам в Канны, и он, целуя меня, счастливо прошептал: "Моя!". А на обратной дороге, спеша ко мне по крутым горным серпантинам, разбился на машине...

— Пожаль, и сама судьба Баяновой похожа на извилистую горную дорогу. Причем на такую, где по обочинам "мертвые с косами стоят". Певица говорит, что не раз в ее жизнь вмешивались потусторонние силы. Например, как-то они с родителями и молодым мужем очень дешево сняли прелестную квартирку в центре города. Оказалось, дом под завязку набит привидениями, которые активно общались не только с членами семьи, но и с гостями (стучали, шумели — в общем, вели себя как заправские хулиганы).

— В доме второго мужа Баянова как-то ночью, услышав стук, распахнула дверь и увидела грязно-белый балахон, измазанный кровью. Костлявой рукой существо молча отодвинуло хозяйку и прошло в дом. "Я поняла, что пришла беда", — говорит певица. Действительно, месяца через два страшные напасти захлестнули семью: смертельная заболела мама, в Румынии наступила "диктатура пролетариата", поместье "раскулачили". Баянову с мужем отправили в очередную ссылку, где, страшась неизвестности, на 4-м месяце певица сделала неудачный аборт и с тех пор больше не могла иметь детей.

— Получается, привидения оповещают вас о надвигающихся бедах?

— Не всегда, вспоминаю март 1977 года — ничего не предвещало трагедии. В тот день я поехала к своим друзьям играть в карты, в канасту. Мы увлеклись игрой, и вдруг чувствую — что-то меня приподнимает. Земля заходила ходуном, как морские волны. Смотрю, 16-этажная башня напротив наклоняется. Побежала домой. В городе ужас, хаотично бьются машины, взрываются газовые трубы, и вокруг — ото-

рванные руки, головы... В нескольких метрах передо мной на дорогу падает панельная башня, накрыв собой трамвай и троллейбус. Вижу — дом раскололся надвое: половина рухнула вместе с лестницей, а другая еще стоит. Асфальт, мостовые вдруг раскрывались, и туда проваливалось все — дома, люди, автомобили. Мой дом, к счастью, выстоял. Правда, треснули стены, газовая колонка упала, разбив унитаз и умывальник, пропали все заготовки, посуда... Это была одна из самых страшных сейсмических катастроф XX века. После этого у меня случился инфаркт.

— Вспоминаю Алла Николаевна прерывает телефон. Звонит одна из подруг певицы. Разговор, конечно же, о музыке, о предстоящем в начале зимы концерте. Положив трубку, Баянова берет костыль и начинает ходить по комнате.

— Я должна сама пройти по сцене, — объясняет она. — У меня был тяжелый перелом шейки бедра, врачи говорят, надо постоянно ходить, тренироваться. Как это для меня мучительно! Но хочу общаться со своими зрителями без чужой помощи.

— Вы интересуетесь современной музыкой? Преподавать не пробовали?

— То, что слышу на эстраде, — это катастрофа. К примеру, Валерия. Она хорошенькая, но у нее нет фразы, выражения, обаяния личности — поет однообразно, словно вода из крана течет. Или Лолита. То, что она делает на сцене, я вообще оставляю без комментариев. Безусловно, женщина эффектная, двигается неплохо, но лучше бы она не пела... Я в шоке от Баскова. Помню, каким он пришел на "Романсиаду" к Галине Преображенской — трогательный, с дрожжами от волнения руками. Я увидела, что мальчик мог бы стать вторым Карелом Готтом, и единственная из жюри поставила ему максимальный балл. Но, к сожалению, не могу разбудить в нем то, что заложено от природы (поверьте моему опыту, это вовсе не опера), — ему не нужны мои советы... Я бы рада учить, но, к сожалению, у большинства "молодых дарований" нет голоса, не за что даже зацепиться.

— Может, это мировая тенденция?

— Может, но нам-то какое дело! Мы — русские.

У нас в песне должны быть душа, страсть.

— Как у Шалапина, Вертинского, Петра Лещенко? Расскажите о них, вы же были знакомы.

— Помните библейское "не сотвори себе кумира"? Почему-то мне не выходит из головы одна история. Вместе с папой в театре у Никиты Балиева служил бас Диков, который необычайно трогательно и самоотверженно был предан таланту Шалапина. К примеру, на гастролях он первым делом вытаскивал из чемодана фотографии кумира и превращал свой номер в его мини-мемориал... Однажды к нам в театр приехал сам Шалапин. Спектакль ему понравился, он пришел за кулисы, стал благодарить Балиева и актеров. Диков был счастлив — наконец-то предстал перед случайным расказом кумиру о своем восхищении и любви. Когда Шалапин поравнялся с артистом, тот вышел вперед, но оробел и смог произнести лишь: "А я бас Диков".

Мэтр даже не взглянул на него. Шалапин ушел, болтая с директором, а Диков так и остался стоять на месте с доверчиво протянутой рукой. Когда антракт закончился, все хватились: где же наш бас-то? Он повесился у себя в номере, среди фотографий своего кумира...

— На этих словах певица из-под кровати появилась старая знакомая, Марь Иванна, внимательно посмотрела на хозяйку и запылила на софу. Откуда-то из-под подушки, сладко потягиваясь, выполз изумительный трехцветный котенок.

— Не хотите со мной породниться? — шутило заинтересовалась Баянова. — У нашей Марь Ивановны чудный малыш. Почему кошку так называю? Уважаю ее — умная, чистоплотная, самостоятельная.

— Словно понимаю, что речь зашла о животных, на пороге появился благородный красавец, колли по кличке Барс. А следом вбежала беленькая, "дворянских кровей" собачонка и ревниво лягнула беззубым ртом около моей ноги — пора, мол, закружиться.

— Это моя Люся, — познакомила нас Баянова. — Я подобрала ее полумертвой на улице, выхodiла. А назвала ее так в честь собаки Вертинского. Александр Николаевич был очень привязан к своей Люси, никогда ее даже больше чем на час-другой не оставлял. Знаете, — помолчав, добавила Баянова: — животные — моя страсть, моя стихия. Помните, как-то скандинавский писатель и врач Аксель Мунте сказал: "Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю свою собаку"? Хотя мне грех жаловаться — вокруг меня столько друзей, помощниц, почитателей... Жаль только, что никому передать свой опыт, свои песни.

Светлана ПЛЕШАКОВА.